

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/18

АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ И ТИПОВ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Петрикова¹, А. Плишкова²

¹Пряшевский университет в Пряшеве – Институт русского языка
Словакия, 08005, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 1
E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

²Пряшевский университет в Пряшеве – Центр языков и культур национальных меньшинств – Институт русинского языка и культуры
Словакия, 08005, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 15
E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Авторское резюме

Рассмотрены основные способы синхронного словообразования в русинском языке. Один из приоритетов современной лингвистики – динамический подход к изучению лингвистических объектов, который позволяет не только исследовать механизм словообразовательных процессов, но и обозначить тенденции языковой эволюции в целом. Вплоть до середины XX в. лингвисты не выделяли словообразование как самостоятельную область языкознания. Все аспекты словообразования рассматривались в рамках других областей – лексикологии и морфологии. На современном этапе развития лингвистики словообразование имеет статус самостоятельной науки, тесно связанной с другими лингвистическими дисциплинами – такими, как морфология, лексикология, семантика, фонология и др. Большое внимание уделяется флективным языкам с богатой системой средств и способов словообразования; именно такими являются славянские языки (русинский, словацкий, русский). Современные исследования ориентируются на живые словообразовательные процессы в языке, семантические отношения производящего и производного слов, т. е. на проблему уровня синхронной мотивированности производных слов. Теоретические основы словообразования русинского языка опираются на теорию образования слов словацкого лингвиста Ю. Фурдика, который назвал науку о словообразовании дериватологией. Истоки терминологических понятий науки об образовании слов русинского языка (например, мотивація, тіпи мотивації, мотивант, мотиват и др.) также есть в концепции Фурдика. На наш взгляд, исследовать словообразовательные процессы

важно, поскольку это впоследствии поможет в решении морфонологических, морфологических, лексических и других вопросов в синхронном и диахронном аспектах языковой системы.

Ключевые слова: русинский язык, словообразовательный способ, тип, синхрония, диахрония, мотивация, мотивант, мотиват, дериват, формант.

ANALYSIS OF WORD-FORMATION METHODS AND TYPES IN THE RUSIN LANGUAGE

A. Petrikova¹, A. Plishkova²

¹University of Prešov – Institute of Russian Studies

1 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

²University of Prešov – Center for Languages and Cultures of National

Minorities – Institute of Rusin Language and Culture

15 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Abstract

This article dwells on the basic methods of synchronic word formation in the Rusin language. One of the priorities of contemporary linguistics is the dynamic approach to the study of linguistic items which allows not only examining the mechanism of word formation, but also discerning the trends of language evolution as a whole. Until the middle of the 20th century, linguists did not view word formation as an independent area of language study. All aspects of word formation were examined within the framework of other areas – in lexicology and grammar (morphology). In the present stage of the development of linguistics, word formation has the status of an independent subfield closely linked with other linguistics disciplines such as morphology, lexicology, semantics, phonology, etc. With regard to word formation, much attention is paid to it in inflected languages with a rich system of word-forming means and methods, and the Slavic languages (Rusin, Slovak, Russian) are precisely of this type. Contemporary research is focused on living word-formation processes in language and on semantic relationships between the base word and the derived word, i.e., on the degree of synchronic motivation of the derived word. The theoretical bases for word formation in Rusin draw on the theory of word formation by Slovak linguist Juraj Furdík, who introduced the term *derivatology*. Likewise found in Furdík's

framework are sources of terminology for Rusin word-formation (such as motivation, types of motivation, motivator, motivat (the motivated item) etc.). In our opinion, word-formation processes are worth researching inasmuch as this then assists in resolving morphonological, morphological, lexical, and other questions in the synchronic and diachronic aspects of the language system.

Keywords: Rusin language, word-formation method, type, synchrony, diachrony, motivation, motivator, motivat (the motivated item), derivative, formant.

Методологическая база русинской дериватологии

В русинском языке словообразование является важнейшей отраслью уровневой лингвистики наряду с фонологией, лексикологией, морфологией и синтаксисом.

Исследование современного русинского кодифицированного языка связано с научным описанием словообразовательных процессов в системе языка, которые тесно связаны как с лексикой, для пополнения которой они служат, так и с грамматикой, в соответствии с которой оформляется каждое появляющееся в языке слово.

На развитие словообразования русинского языка как науки повлияли теоретические исследования ученых-словакистов, особенно Ю. Фурдика, яркого представителя лингвистики конца 1990-х гг. Долгое время занимаясь исследованием словообразования лексических единиц (см. труды: «O súčasných smeroch slovotvorného výskumu» (Furdík 1969), «Zo slovotvorného vývoja slovenčiny» (Furdík 1971), «Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995 – 2002» (Dvonč 2002), «Slovenská slovotvorba. (Teória, opis, cvičenia)» (Furdík 2004) и др.), Ю. Фурдик ввел понятие *дериватология* (словац. *derivatológia / náuka o tvorení slov / náuka o slovotvornej motivácii / slovotvorba*) (Furdík 2004) для обозначения науки об образовании слов и выделил *дериватологию / мотивологию* (*derivatológiu / motivatológiu*) в качестве отдельной лексикологической дисциплины. Размышляя над ними, лингвист предпочитает использовать термин *дериватология*, считая *мотивологию* малообоснованным термином: «...термин *мотивация* касается не только словообразовательной мотивации, но и парадигматической, фонической, семантической, синтаксической, фразеологической мотивации. Поэтому дериватология подходит больше, так как в словацком языке центром словообразовательной системы является именно проблема производности / деривации» (Furdík 1995–1996).

Ю. Фурдик приводит еще один аргумент в пользу дериватологии: «термин "мотивология" еще нигде не использовался» (Furdík

1995–1996). Несмотря на то что словацкий лингвист опирался на труды известного чешского дериватолога М. Докулила (Dokulil 1963; Dokulil 1968), Фурдик изучал и работы по словообразованию русских ученых, которые в начале 70-х гг. XX в. писали о проблеме мотивированности: «...70–80-е гг. XX в. получили такие характеристики, как "словообразовательный бум", "паронимический взрыв", "лексикографическая вспышка" и др.» (Блинова 2007: 3). О.И. Блинова в 1974 г. защитила докторскую диссертацию, в которой были «определены в лексикологическом ключе исходные понятия мотивологии, проанализированы лексические процессы, обслуживающие тенденции к мотивированности и произвольности языкового знака, обращено внимание на функции внутренней формы слова. В качестве одного из приложений к диссертации был предложен фрагмент толкового мотивационного словаря» (Блинова 1974: 4).

Ранее, в 1966 г., в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (Шведова 1955: 57) были введены термины «мотивированные слова» и «мотивирующие слова» как центральные понятия словообразования.

Данное лингвистическое нововведение, однако, не было зафиксировано в исследовании Ю. Фурдика 1969 г. под названием «O súčasňych smeroch slovotvorného výskumu» (Furdík 1969). В этой работе ученый подробно проанализировал зарубежные научные направления в изучении словообразования лексем, уделил внимание польской, американской, а также русской словообразовательным школам: «Советские авторы обращают внимание, главным образом, на определение словообразовательного типа, который понимали как основную единицу классификации словообразовательной системы (Винокур, Левковская, Ковалик)¹. В статье также упоминается «проблема бинарности словообразовательных структур, продуктивности словообразовательных приемов (Шанский, Смирницкий, Нешименкова)» (Furdík 1969: 67).

В своих работах Фурдик определяет предмет дериватологии, который касается словообразовательной системы языка (словац. *slovotvornomotivačný / slovotvorný systém*), лексический запас языка, единицы которого связаны посредством словообразовательной мотивации (Furdík 2004). Термин *slovotvorná motivácia* становится основообразующим понятием дериватологической концепции лингвиста, под которым он понимает единство трех компонентов: процесса, связи и свойства. Предметом изучения синхронного словообразования являются мотивированные слова.

Процесс осмысления мотивированности слова в русинском и словацком языках и связанных с ним научных понятий опирается на три основных принципа: *antropomorfiácia* (аналогия с человеком:

язык – это человеческий продукт; сравнение лексической единицы с человеком как личностью и всей лексики с человеческим обществом), *parametrizácia* (каждая единица имеет собственные параметры: 1) часть речи и ее грамматико-семантическая характеристика; стилистическая характеристика; 2) мотивированность – немотивированность; 3) мотиватор (-ы) (словац. *motivant*, русин. *motivant*); часть речи мотиватора, его грамматико-семантическая характеристика, мотивированность – немотивированность; дополнительная стилистическая характеристика мотиватора; отношения мотиватор – мотивема (словац. *motivát*, русин. *motivam*); характер мотивемы (*motivate*); 4) словообразовательная основа (словац. *slovotvorný základ*, русин. *словотворна основа*, т. е. *основа мотивующего слова*); морфонологическая вариантность; соединительная морфема (при композитах); 5) словообразовательный формант (словац. *slovotvorný formant*, русин. *формант*); тип форманта; вариативность форманта; 6) словообразовательный способ; 7) словообразовательный образец; 8) мотивационное значение; 9) словообразовательное значение; 10) принадлежность к ономаσιологической категории; 11) тип ономаσιологической категории; 12) примеры слов словообразовательного типа; 13) мотивационная интенция, место слова в словообразовательном гнезде; 14) общая характеристика (Furdík 2004: 126–137) и *мотивация* (словац. *motivácia*, русин. *мотивація*) (Furdík 2008: 28). О.И. Блинова также выделяет три принципа мотивологического исследования: «... принцип антропоцентризма (учет осознания мотивированности слова носителями языка), принцип синхронности (поскольку мотивация слов – синхронное явление), принцип системности (мотивационные отношения – один из видов системных связей ЛЕ)» (Блинова 2007: 15). Первый принцип – антропоцентрический. Его как Ю. Фурдик, так и О.И. Блинова считают ключевым принципом «мотивологического и иного исследования посредством обращения к метаязыковому сознанию говорящего, носителя языка» (Блинова 2007: 267).

Итак, многие идеи концепции Ю. Фурдика не были новыми, но, как справедливо замечает М. Олоштяк, «оригинальность и иновативность словообразовательной концепции "мотиватолога"-Фурдика состоит в том, что он один из первых системно анализирует, описывает и объясняет функционирование и динамику лексической системы» словацкого языка (Furdík 2008: 12).

При исследовании словообразования с применением синхронного метода возникает возможность описывать живой язык в сознании его носителей, поэтому «задача синхронных исследований состоит в изучении многомерных мотивационных отношений, в постановке объективных критериев для их определения» (Furdík 2005: 58).

Дериватема как основная единица русинского словообразования

В русинской словообразовательной науке² основной единицей словообразования является *дериватема*, т. е. лексическая единица как составная часть словообразовательной мотивации (Plišková 2015: 151). Словообразовательная структура дериватемы двухсоставная, и она состоит из словообразовательной основы, отождествляемой с мотивантом без его грамматических морфем, и словообразовательного форманта.

Данные типы дериватем выделены на схеме 1:

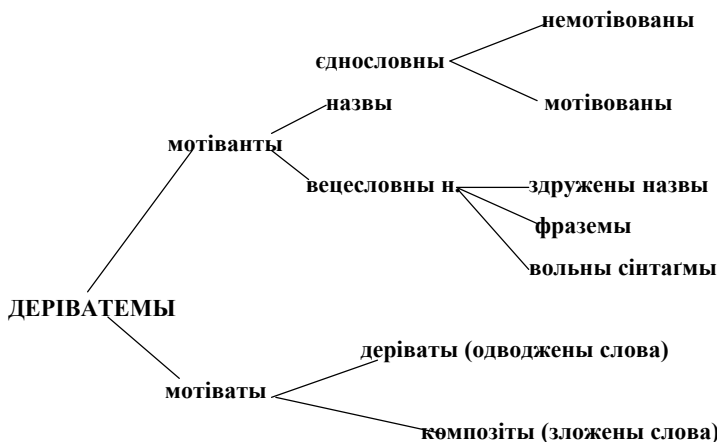

Схема 1. Типы дериватем. *Источники:* Furdík 2004: 29; Plišková 2015: 151.

Как показывает схема, дериватемы – это не только производные сложные слова / композиты, но и их мотиванты, независимо от того, являются ли они мотивированными словами, одноструктурными или составными.

Образование односоставных мотивированных слов реализуется двумя основными способами³:

- а) образованием (одводжованём / деривацией / дериваціов);
- б) сложением, соединением (складанём / композитным способом словообразования / композиціов).

В русинском языке выделяют несколько способов словообразования:

- а) деривационный / деривачный – к одной словообразовательной основе прибавляется один или больше словообразовательных формантов: *писа-тель*, *Під-карпат-я*;

б) композитный способ / композічний – сочетаются две основы или слова: *благожеланя, літ-о-пис, кул-ё-мет, камін-ё-лом; чорно-білий, кіловат-година*;

в) комбинированный / комбінований (компози́чно-деріва́чний) – в одном словообразовательном действии связываются две основы с формантом: *сто років → сто-роч-а, лапати мухы → мух-о-лап-ка*.

Типы словообразования русинского языка с учетом характера дериватора

Типы словообразовательно-мотивационной системы языка⁴ (русин. *словотворно-мотівачна / словотворна система языка*) выделены на основе концепции словацкого ученого Ю. Фурдика: выделяются словообразовательные типы в соответствии с типом форманта, прибавляющимся к словообразовательной основе. Словообразовательные типы в русинском языке изображены на схеме 2:

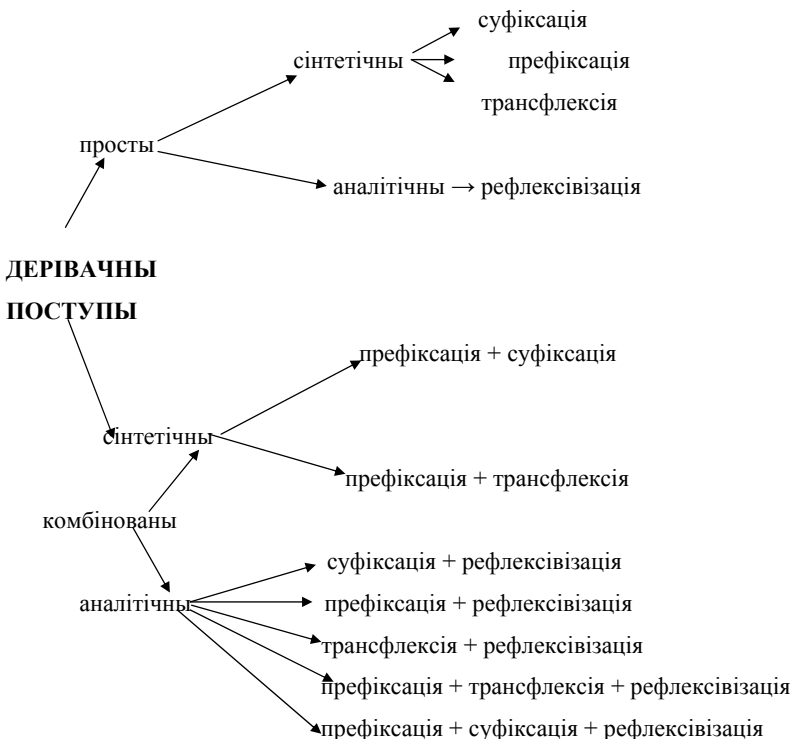

Схема 2. Словообразовательные типы на основе типа форманта.

Источники: Furdik 2004: 65; Плишкова 2011: 71.

В русинской классификации выделяются простые и комбинированные, синтетические и аналитические группы формантов, внутри которых находятся многочисленные типы словообразовательных формантов.

Самым продуктивным способом словообразования в русинском языке является суффиксация, т.е. присоединение суффиксов к корням и основам слов. Суффиксация – это простой синтетический деривационный способ, доминирующий при образовании субстантивов (Плишкова 2011: 70). С точки зрения синхронии, русинский язык для образования субстантивных дериватов использует несколько десятков суффиксов, таких, как *-ок, -ар', -ач, -ак, -ик, -ник, -ан(-чан), -ец', -тел', -іц'(а), -к(а), -ічк(а), -ба, -ко, -а, -ча, -ин(а), -иск(о), -ищ(е)* и мн. др.

В процесс заимствования и адаптации чужих словообразовательных формантов используются следующие суффиксы: *-іста, -ант, -ат, -ер, -ор, -ія* и др., а также префиксы: *анти-, архи-, дис-, де-, віце-* и др. (Ябур, Плішкова 2009: 125–135).

Среди других деривационных способов словообразования субстантивных дериватов можно выделить такие, как:

а) **префиксация** – образование дериватов, при котором новое слово образуется путем присоединения приставки: *під-плуковник, екс-приматор, не-шофер, перед-слово, при-спів, над-вага* и др.; данный способ доминирует при глаголах: *писати – на-писати, спати – пере-спати, летіти – вы-летіти*;

б) **трансфлексия** – словообразование при помощи комплекса грамматических (соединительных) морфем, выполняющих роль словообразовательного форманта; для обозначения трансфлексии в лингвистике используется также термин *конверсия*, т.е. образование путем нулевого суффикса (безаффиксное словообразование);

в) **универбизация** – создание одного слова из словосочетания при помощи суффикса: *мінерална вода → мінерал-ка, учитель математики → математік-арь, асфальтова путь → асфалт-ка* и др.;

г) **рефлексивизация** – добавление возвратного местоимения или аффикса *ся, собі/сі*;

Данный аналитический способ может быть одноструктурным: *мыти → мыти ся, любити → любити ся*, или комбинированным: *бавити → за-бавити ся, повісти → од-повісти собі/сі*;

д) **конфисация** – комбинированный способ деривации, при котором используются двойные, иногда тройные форманты в одном словообразовательном действии.

Среди комбинированных формантов выделяются:

– **префиксально-суффиксальный способ деривации** (комбинация префикса и суффикса): *грудь – по-груд-ніця, путь – рос-пут-я*;

- **префиксально-трансфлексный способ** (префикс и грамматическая морфема): *червен-ый* → *с-червен-ї-ти, садити* – **по-сад-и-ти**;
- **префиксально-рефлексивный способ** (префикс плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *жыти* → **до-жыти ся, позерати** → **по-позерати собі/сі**;
- **суффиксально-рефлексивный способ** (суффикс плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *лижы* → **лиж-овати ся, білый** → **біл-и-ти собі/сі**;
- **трансфлексно-рефлексивный способ** (грамматическая морфема плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *приятель-Ø* → **приятел-и-ти ся, сіль-Ø** – **сол-и-ти собі/сі**;
- **префиксально-трансфлексно-рефлексивный способ** (префикс, грамматическая морфема и самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *крив-ый* → **с-крив-и-ти ся, роб-и-ти** → **по-роб-и-ти собі/сі**;
- **префиксально-суффиксально-рефлексивный способ** (префикс, суффикс и самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *співати* → **по-спів-овати собі/сі, хмара** → **за-хмар-и-ти ся** (Plišková 2015: 172).

К самым продуктивным способам образования deverbальных, десубстантивных и деадъективных субстантивов относятся:

- **девербативный**: *біг-а-ти* → *біг-Ø P* (P – нулевая морфема), *крича-ти* → *крик-Ø*, *плак-а-ти* → *плач-Ø*, *гр-а-ти* → *гра-Ø* и др.;
- **десубстантивный**: *кум-Ø* → *кум-а, сусід-Ø* → *сусід-а, камінь-Ø* → *камін-я, географ-ія* → *географ-Ø* и др.;
- **деадъективный**: *стар-ый* → *стар-оба, добр-ый* → *добр-ота, лінив-ый* → *лінив-ство, чорн-ый* → *чорн-іця* и др.

Среди продуктивных способов образования других частей речи находятся следующие:

- **десубстантивные адъективы**: *злат-о* → *злат-ый, здрав-я* → *здрав-ый*;
- **десубстантивные глаголы**: *кос-а* → *кос-и-ти, жаль-Ø* → *жал-ї-ти*;
- **деадъективные глаголы**: *біл-ый* → *біл-и-ти, ясн-ый* → *ясн-ї-ти*;
- **девербативные глаголы**: *бити* → *за-бити, быти* → *пере-быти, жыти* → *про-жыти, лячі* → *з-лячі* и др.
- **деадъективные наречия**: *красн-ый* → *красн-о, прост-ый* → *прост-о*;
- **денумеральные порядковые числительные**: *вісем-Ø* → *восьм-ый, десять-Ø* → *десят-ый*.

Поскольку суффиксальный способ словообразования в русинском языке является одним из самых продуктивных, рассмотрим морфематическую структуру слов: *вихователь / вихователька* (русин.) / *vyčovávateľ/vyčovávateľka* (словац.) / *воспитатель / воспитательница* (рус.). Морфематическая структура слова многоступенчатая,

словообразовательная структура дериватемы двухсоставная (бинарная).

Строение слова по морфемам (лексема словацкого языка): *učov-áv-a-tel'-k-a*: *uč-* префиксально-деривационная (слов. *prefixálna derivačná*), *-čov-* корневая (слов. *koreňová*), *-áv-* модификационная (слов. *modifikačná*), *-a-* тематическая (*tematická*), *-tel'* деривационная (слов. *derivačná*¹), *-k-* деривационная (слов. *derivačná*), *-a-* реляционная (слов. *relačná*²).

Строение слова по морфемам (лексема русинского языка): *вы-хов-а-тель-к-а* подобно словацкому.

Строение слова по морфемам (лексема русского языка): *воспит-а-тель-ниц-а*: [*воспит*] корень + [*а*] суффикс + [*тель*] суффикс + [*ниц*] суффикс + [*а*] окончание.

Таким образом, пример свидетельствует о производном словообразовании, т. к. оно образовано одним суффиксальным способом.

Русское слово имеет простую основу слова (один корень), она производная, членимая (есть словообразовательные аффиксы).

С точки зрения словообразования, слово *выхователька* делится на две части: словообразовательную основу *выхователь* (мотивант без грамматических морфем) и словообразовательный формант *-ка* (суффиксально-деривационная морфема и флексивная морфема), показывающий на лицо женского пола. В словацком и русинском языках формант используется для образования женского рода от существительных мужского рода (словац. *prechyľovať*): *riaditeľ – riaditeľka*; *doktor – doktorka*, *lekár – lekárka*, *manžel – manželka*.

В словацком и русинском языках в словообразовательном процессе участвуют пять аффиксальных морфем.

В русском эквиваленте не присутствует префиксальная морфема, а есть корневая и четыре аффиксальных морфемы. С точки зрения словообразования, лексема *воспитательница* делится на две части: словообразовательную основу *воспитатель* (мотивант без грамматических морфем) и словообразовательный формант *-ница* (суффиксально-деривационная морфема и флексивная морфема). Суффикс *-ниц-а*, во-первых, обозначает лицо женского пола; во-вторых, при помощи его образуются существительные для обозначения лиц женского пола по их отношению к профессии, учреждению, роду занятий и т. д. (*воспитательница*, *учительница*, *писательница*, *работница*); в-третьих, суффикс *-ниц-а* присоединяется непосредственно к существительным мужского рода на *-тель* или заменяет суффикс мужского рода *-ник* (с чередованием *к/ц*) (Валгина 2002: 128).

Интересным случаем в словацком, русинском и русском языках являются способы словообразования отглагольных существительных,

т. н. общих синонимов, у которых очень похожая словообразовательная структура, но они отличаются формантами. Эту вариативность плана выражения сопровождает вариативность плана содержания; речь идет о связи словообразующей синонимии со ступенчатостью лексикализацией слова. Например, тип – производитель действия. К нему можно отнести слова из словацкого языка *pisateľ* (автор любого письменного высказывания) – *pisár*.

Словацкая лексема *pisateľ* (в переводе на русский: *автор, создатель*) в «Словаре современного словацкого языка» толкуется как автор **любого письменного** высказывания (Buzássyová, Jarošová 2011: 87), а русское слово *писатель* (переводим на словацкий как *spisovateľ*), согласно комментарию «Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой», – это человек, который занимается литературным трудом, пишет **художественные литературные произведения** (Ожегов, Шведова 2006: 518). В близкородственном русинском языке также есть лексема *писатель* (русинский синоним *повідкарь*), которая имеет то же значение, что и в русском языке. Формы слов *pisateľ* и *писатель* тождественны в словацком, русском и русинском языках, но у них разное значение. Эти лексические единицы могут вызывать у носителя языка в контексте языковых контактов неправильные ассоциации. Данное явление мы относим к славянской межъязыковой омонимии. Но поскольку расхождение в плане содержания наблюдается в отдельных оттенках значения или в сфере употребления, то некоторые авторы для обозначения явлений подобного рода предпочитают использовать термин *межъязыковые квазисинонимы* (Buzássyová 1997: 73).

Вторая словацкая лексема – *pisár* (русский эквивалент: *переписчик, писарь*, (истор.) *писец*) обозначает лицо, переписывающее, например, документы, указы и др. (Buzássyová, Jarošová 2011), в русинском языке присутствует синонимичная лексема *писарь* (*писарька*), в русском языке лексема *писарь* имеет ту же форму и значение, что и в вышеупомянутых славянских языках.

Словацкие лексемы *pisateľ* и *pisár* имеют одинаковое общее словообразовательное значение, но они отличаются частичными словообразовательными значениями, которые можно описать путем сопровождающих (дифференциальных) признаков (Buzássyová 1974). Слова различаются прежде всего по принципу лексической мотивации, вытекающей с различного объекта действия (противоположность окказиональной и постоянной деятельности). По словам К. Бузашшиовой (Buzássyová 1974: 87), такие же отношения имеют место между префиксальными дериватами: *odpisovateľ* (тот, кто списывает, воспроизводит что-то) / рус. *списчик* (вагонов), *списатель*

(церк.), *pisateľ, sočiniteľ, spisčik, -čiца, spisovateľ* – *odpisovač, prepisovateľ* – *prepisovač* (переписчик древних документов) / *переписчик* (составитель рукописных книг, *писец* – устар.; в наше время чаще всего используется для обозначения переписчика VHS-кассет; тот, кто занимается переписью населения). Итак, при словообразовательном анализе необходимо учитывать основную парадигматическую мотивацию, а также лексическую, звуковую, семантическую, синтаксическую и фразеологическую. Все типы взаимообусловлены и синергетически взаимодействуют.

На основе вышесказанного можно констатировать, что русинский язык имеет пестрый набор словообразовательных суффиксов. Набор словообразовательных основ обширен, открыт, но переменчив. Словообразовательные форманты также представляют богатый комплекс, но он относительно ограничен и изменяется в течение длительного времени. Их количество сложно точно подсчитать. Иногда даже трудно установить, когда это самостоятельный формант, а когда условный вариант. Во внимание необходимо принимать и динамические процессы заимствования, и адаптацию чужих формантов вместе с новыми лексемами.

Заключение

В данной статье мы выявили методологические предпосылки исследования словообразования в русинском языке, используя научные концепции словацкого и русского словообразования (Нещименко 1987). Русинская дериватология является самостоятельной и активно развивающейся наукой, которая использует знания других дисциплин: фонетики, семантики, морфологии, синтаксиса, фразеологии, ономастики. Основной единицей словообразования является дериватема (*derivátema*), причем понимается в широком смысле слова и как мотивант, и как мотиват. В узком смысле дериватема используется только для обозначения дериватов и сложных слов (композигов).

В словацко-русинской терминологии термин *slovotvorná motivácia* / *словотворна мотивація* становится основополагающим понятием дериватологической концепции. В русской теории словообразования используются термины *мотивология, мотивированность, мотиват, мотивант, мотивема (мотивируемое слово)*. В близкородственных языках практически каждое полнозначное слово может вступать в мотивированные отношения как основное слово / *základové slovo* (*motivant* / *мотівант*) или как составное слово / *zložené slovo* (*motivované slovo* / *мотівоване слово, motivát* / *мотіват*). Основное сло-

во не обязательно должно быть мотивированно. Основным типом мотивированного отношения является такое отношение, в котором мотивантом является немотивированное слово.

Русинский язык Восточной Словакии богат словообразовательными формантами аффиксного типа, который свойствен всем славянским языкам. Это свидетельствует об их генетической связи. К общеславянским явлениям относятся аффиксация (в виде префиксации, суффиксации и префиксально-суффиксации типа *робити – переробити*, *млин – млинарь*, *путь – розпутья*), конверсия морфологических форм (*бігати – біг*, *кричати – крик*), сложение (*літопис*, *кулёмет*, *горізнач*), и аббревиация. Суффиксальный способ словообразования в русинском языке касается таких названий, как лицо, конкретные предметы, явления.

В русинском языке развиты словообразовательная система и ономаσιологические категории. Передаваемые структуры знаний между коммуникантами связаны с определенными словообразовательными конструкциями. Словообразовательная среда, по мнению Е.С. Кубряковой, работает как среда порождающая, в которой «каждая единица способна не только к простому ее воспроизведению в тексте, но и к аналогическому ее повторению в серии единиц» (Кубрякова 2004: 393). Производное слово выступает как единица хранения, «извлечения, получения и систематизации нового знания» (Кубрякова 2004: 393).

К основным словообразовательным признакам русинского языка относится деление всех слов на корневые (непроизводные, словообразовательно немотивированные) и производные (мотивированные). Например, в русинском языке слово *лавочка* мотивированно словом *лавка*; слово *гусярь* – словом *гуслі*; слово *чорнявий* – словом *чорный*; слово *присісти* – словом *сісти*.

При сравнении словообразовательного процесса слов *вихователька / vychovávatel'ka / воспитательница* в словацко-русинско-русском плане был выявлен словообразовательный формант – суффикс *-к-а*, суффикс *-ниц-а*, указывающие на лицо женского пола и на отношение к профессии. Единицы русинского и словацкого языков в данном случае демонстрируют близость способа словообразования.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что русинский язык имеет очень богатую систему суффиксов, которая по развитости и когнитивному потенциалу превосходит систему префиксов. У каждой части речи имеется собственный набор суффиксов, которые выполняют в этом случае свои понятийно-когнитивные функции. Самую разнообразную и богатую систему суффиксов имеет имя существительное.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Sovietski autori venovali pozornosť najmä vymedzeniu pojmu slovotvorného modelu (typu), v ktorom videli základnú klasifikačnú jednotku slovotvorného systému (Vinokur, Levkovskaja, Kovalyk) (Furdík 1969: 67).

2. В словацком языкознании словообразовательно мотивированное слово – это билатеральная, формально-семантическая лексическая единица (Ološtiak 2017: 46).

3. Первую развернутую классификацию способов образования в русском языке предложил В.В. Виноградов: а) морфологическое словообразование; б) морфолого-синтаксическое словообразование (синхронный подход); в) лексико-синтаксическое словообразование (диахронный подход); г) лексико-семантическое словообразование (диахронный подход) (Белошাপкова 1989: 318–319).

4. С учетом характера дериватора в русском языке выделяют следующие типы словообразования: суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-постфиксальный, суффиксальный-постфиксальный (Шведова 1980: 139). П.А. Лекант строит классификацию типов словообразования в плане синхронии с учетом характера форманта: 1) аффиксальные: префиксальный, суффиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный; 2) безаффиксные – с дериватором «операционного» типа: конверсия, сокращение, сложение (чистое сложение, аббревиация, словосложение, сращение); 3) смешанные: префиксально-сложный, суффиксально-сложный, сложение с префиксацией и суффиксацией, сращение суффиксацией, сокращение с суффиксацией, сокращение с префиксацией и суффиксацией (Лекант 2007: 212).

ЛИТЕРАТУРА

Белошাপкова 1989 – *Белошاپкова В.А.* (отв. ред.). Современный русский язык. Издание второе, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.

Блинова 1974 – *Блинова О.И.* Проблемы диалектной лексикологии. Томск, 1974.

Блинова 2007 – *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.

Валгина 2002 – *Валгина Н.С.* Современный русский язык: учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лекант 2007 – *Лекант П.А.* (отв. ред.). Современный русский язык: учеб. для студет. вузов. М.: Дрофа, 2007. 557 с.

Нещименко 1987 – *Нещименко Г.П.* (отв. ред.) Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: материалы симп. 4–7 дек. 1984 г. М.: Наука, 1987.

Ожегов, Шведова 2006 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

Плишкова 2011 – *Плишкова А.* Найфреквентованішы словотворны поступы субстантивних дериватів // *Literárna tvorba M. Maľcovskej v kontexte súčasnej rusínskej literatúry: zborník príspevkov z Medzinárodného literárneho seminára k nedožitým 60-tym narodeninám autorky, 2 decembra 2011 / ed. M. Beňková.* Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2011. S. 68–80.

Шведова 1955 – *Шведова Н.Ю.* (ред.) Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1955. 211 с.

Шведова 1980 – *Шведова Н.Ю.* (отв. ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.

Ябур, Плишкова 2009 – *Ябур В., Плишкова А.* Сучасний русинський списовний язык. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інститут русинського языка і културы, 2009.

Buzássyová 1974 – *Buzássyová K.* Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava: Veda, 1974. 235 с.

Buzássyová 1997 – *Buzássyová K.* Lexikálna synonymia v slovníkovom spracovaní // *Slovenská reč.* 1997. Roč. 62, č. 2. S. 72–79.

Buzássyová, Jarošová 2011 – *Buzássyová K., Jarošová A.* (Eds.) Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 2011. 1087 s.

Dokulil 1963 – *Dokulil M.* Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „tvoření slov“ // *Slovo a slovesnost.* Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. 1963. Roč. 24, č. 2. S. 85–105.

Dokulil 1968 – *Dokulil M.* Stav a úlohy zkoumání morfologické stavby současné češtiny. In: *Slovo a slovesnost.* Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 1968. Roč. 39. S. 231–236.

Dvonč 2002 – *Dvonč, L.* Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995–2002 // *Slovenská reč.* 2002. Roč. 67, č. 6. S. 371–374.

Ološtiak 2017 – *Ološtiak M.* Slovtvorba, slovnodruhové prechody, preberanie a skracovanie lexém. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2017. 120 s. URL: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11> (дата обращения: 8.11.2018).

Plišková 2015 – *Plišková A.* Lexikológia a slovtvorba rusínskeho jazyka.

Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015. 194 s.

Furdík 1969 – *Furdík J.* O súčasných smeroch slovtvorného výskumu // Jazykovedný časopis. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1969. Roč. 20, č. 1. S. 63–78.

Furdík 1971 – *Furdík J.* Zo slovtvorného vývoja slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1971. 81 + 2 s. V rozšírenej podobe publikované // *Život so slovtvorbou a lexicológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin* / Eds. M. Ološtiak, L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG, 2005. S. 39–186.

Furdík 1995/1996 – *Furdík J.* Prednášky. Teória tvorenia slov. Prešov, 1995–1996.

Furdík 2004 – *Furdík J.* Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia) / Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka, 2004. 200 s.

Furdík 2005 – *Furdík J.* Život so slovtvorbou a lexicológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin / Ed. Martin Ološtiak a Lucia Gianitsová-Ološtiaková. Prešov: Vydavateľstvo LG, 2005.

Furdík 2008 – *Furdík J.* Teória motivácie v lexikálnej zásobe / Editor: Mgr. Martin Ološtiak. Prešov: Vydavateľstvo LG, Košice, 2008. 95 s.

REFERENCES

Beloshapkova, V.A. (ed.) (1989) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.

Blinova, O.I. (1974) *Problemy dialektnoy leksikologii* [Problems of Dialect Lexicology]. Tomsk: Tomsk State University.

Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its Aspects]. Tomsk: Tomsk State University.

Valgina, N.S. (2002) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. 6th ed. Moscow: Logos.

Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya: Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Reception of the Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective: The Role of Language in Understanding the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Lekant, P.A. (ed.) (2007) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. Moscow: Drofa.

Neshchimenko, G.P. (ed.) (1987) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [A Comparative Study of Word Formation in Slavic Languages]. Moscow: Nauka.

Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: A TEMP.

Plishkova, A. (2011) Nayfrekventovanishy slovotvorny postupy substantivnykh derivativ [The most frequent word-formation approaches of nominal derivatives]. In: Beňková, M. (ed). *Literárna tvorba M. Mal'covskej v kontexte súčasnej rusínskej literatúry* [The Literary Work of M. Maltsovskaja in the Context of Contemporary Rusin Literature]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry. pp. 68–80.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1955) *Osnovy postroeniya opisatel'noy grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Bases for the Formulation of a Descriptive Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2009) *Suchasnyy rusin'skyy spisovnyy yazyk* [The Contemporary Rusin Literary Language]. Prjashiv: Prjashivska univerzita v Prjashovi – Inshtitut rusin'skogo jazyka i kultury.

Buzássyová, K. (1974) *Sémantická štruktúra slovenských deverbatív* [Semantic Structure of Slovak Deverbatives/Deverbals]. Bratislava: Veda.

Buzássyová, K. (1997) Lexikálna synonymia v slovníkovom spracovaní [Lexical synonyms in dictionary processing]. *Slovenská reč*. 2. pp. 72–79.

Buzássyová, K. & Jarošová, A. (eds) (2011) *Slovník súčasného slovenského jazyka* [Dictionary of the Contemporary Slovak Language]. Bratislava: VEDA.

Dokulil, M. (1963) Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „tvorení slov“ [On the concept of comparative characteristics of Slavic languages in the field of word formation]. *Slovo a slovesnost*. 24(1). pp. 85–105.

Dokulil, M. (1968) Stav a úlohy zkoumání morfologické stavby současné češtiny [Status and problems of morphological construction of contemporary Czech]. *Slovo a slovesnost*. 39. pp. 231–236.

Dvonč, L. (2002) Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995–2002 [The List of Professor Juraj Furdík's Works for 1995–2002]. *Slovenská reč*. 67(6). pp. 371–374.

Ološtiak, M. (2017) *Slovotvorba, slovnodruhovú prechody, preberanie a skracovanie lexém* [Word Formation, Word Class Transitions, Borrowing and Shortening of lexemes]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. [Online] Available from: [//www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11](http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11). (Accessed: 8th November 2018).

Plishková, A. (2015) *Lexikológia a slovotvorba rusínskeho jazyka* [Lexicology and Word Formation in the Rusin language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.

Furdík, J. (1969) O súčasných smeroch slovotvorného výskumu [About contemporary trends in word-forming research]. *Jazykovedný časopis*. 20 (1). pp. 63–78.

Furdík, J. (1971) *Zo slovtvorného vývoja slovenčiny* [From the Word-Formation Development of Slovak]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. pp. 39–186.

Furdík, J. (1995/1996) *Prednášky. Teória tvorenia slov* [Lectures. A Theory of Word Creation]. Prešov: [s.n.].

Furdík, J. (2004) *Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia)* [Slovak Word Formation. (Theory, Description, Exercises)]. 1st ed. Prešov: Náuka.

Furdík, J. (2005) *Život so slovtvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin* [A Life with Word Formation and Lexicology. Selected Studies Published Posthumously on the Occasion of his Seventieth Birthday]. Prešov: Vydavateľstvo LG.

Furdík, J. (2008) *Teória motivácie v lexikálnej zásobe* [The Theory of Motivation in the Lexical Word Stock]. Prešov: Vydavateľstvo LG, Košice.

Петрикова Анна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Petrikova – Prešov University (Slovakia).

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Плишкова Анна – доктор философии, доцент, социолингвист, директор Центра языков и культур национальных меньшинств – Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Pliskova – Prešov University (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk